

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ

Возвращение домой

Начало года ознаменовано для меня, как жителя города Ставрополя и вообще патриота, чередой памятных дат, связанных с Великой Отечественной войной. Заметил, что на сей раз несколько из них относилось к событиям 80-летней давности. Сперва была юбилейная годовщина прорыва блокады Ленинграда — 18 января 1943-го в ходе операции «Искра» войска Ленинградского и Волховского фронтов соединились в районе Шлиссельбурга и прорвали окружение. Лишь год спустя город был освобождён полностью. Затем, 21 января, незаметно для большой страны на ставропольском мемориале «Огонь Вечной славы» прошёл торжественный митинг в память о снятии продлившейся 170 дней немецкой оккупации краевой столицы силами Закавказского фронта. Ровно 80 лет прошло и со дня разгрома гитлеровцев под Сталинградом, где 2 февраля 1943 года завершилось крупнейшее сухопутное сражение в истории человечества. Традиционно на один день Волгограду возвращали его прежнее название. Именно после поражения под Сталинградом немецко-румынские войска, занявшие в 1942 году большую часть Кубани и Северного Кавказа, были вынуждены отступить из-за угрозы окружения. А начались мои сопоставления неожиданно — с армейского дерби в рамках регулярного чемпионата КХЛ (Континентальная хоккейная лига). Оказывается, в память о трагических и героических днях хок-

кеисты питерского СКА каждый год в январе выходят на лёд в форме с надписью «Ленинград», которая была создана специально к 70-летию освобождения города. Отец, не пропускающий вместе со мной трансляции наиболее интересных игр, с удивлением обратил внимание на такое «переименование». Впрочем, следом разглядел число «80», и всё стало нам ясно.

Тогда-то я и ощутил знакомое желание перечитать какую-нибудь хорошую книгу о той войне. Таких перебивало в моих руках немало. Мальчишкой брал пример с сильных духом героев «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого и «Четвёртой высоты» Е. Ильиной. Восхищаясь негибаемостью русского солдата из романов «Горячий снег» Ю. Бондарева, «В списках не значился» Б. Васильева, «Живые и мёртвые» К. Симонова, поневоле упускал из виду всё как будто мелкое и побочное. Осмысление того, какой ценой давалась победа, приходило с годами. Особняком в нахлынувших воспоминаниях оказались произведения Даниила Гранина. Оба ассоциируются с Ленинградом. «Блокадную книгу», написанную им в соавторстве с Алесем Адамовичем в 1977—1982 гг. и представляющую собой не художественное повествование, а документальную хронику на основе записанных на магнитофонную ленту рассказов блокадников, я не оценил по достоинству с первой и пока единственной попытки. А вот роман «Мой лейтенант», где тоже сталкиваешься лицом к лицу с ре-

альной, но олитературенной войной, буквально проглотил.

Опубликован он в 2011 году, уже в следующем удостоился премии «Большая книга». Автор делился: «Я не хотел писать про войну, у меня были другие темы, но моя война оставалась нетронутой, она была единственная война в истории Второй мировой войны, которая проходила два с половиной года в окопах — все 900 блокадных дней. Мы жили и воевали в окопах, мы хоронили наших погибших на кладбищах, пережили тяжелейший окопный быт». Роман написан от лица молодого человека, работавшего на ленинградском оборонном заводе и после начала войны добившегося снятия брони и ушедшего в ополчение. Это в целом совпадает с биографией самого Гранина, хотя писатель в эпиграфе и различных интервью подчёркнуто дистанцировался от своего персонажа. Роман состоит из трёх частей, хронологически последовательных. Первая посвящена прощанию молодого инженера с прежней, довоенной жизнью, его уходом в ополчение и отступлению войск к южным границам Ленинграда. Вторая часть рассказывает об обороне города («На других фронтах наступали, отступали, — говорил Гранин, — а это — совсем другая система борьбы, жизни, взаимоотношений»). Действие третьей происходит в 1945 году: герой, демобилизованный как специалист-энергетик, с трудом возвращается к мирной повседневности. Последняя глава романа переносит читателя в XXI век: повествователь и прошед-

ший войну немец во время прогулки по Петербургу вспоминают о далёких военных временах.

Понять, кем приходится друг другу автор книги и лейтенант Д., не сложно. Тем не менее, на страницах романа живут каждый своей жизнью два разных человека: один — молодой, импульсивный, дерзкий, романтический, а второй — мудрый, знающий цену жизни и научившийся противостоять обстоятельствам. И у каждого из них — своя правда. Вот что поведал Гранин в одном из интервью: «Когда я пришёл с войны, мне хотелось только одного — поскорее забыть пережитое. Потом появилось много хороших книг о войне, и мне подумалось: что же я буду соревноваться с Василем Быковым, Виктором Астафьевым, Григорием Баклановым и другими замечательными авторами? Я вернулся к своей теме: «Искатели», «Иду на грозу». А потом Алесь Адамович уговорил меня написать «Блокадную книгу». И эта работа взбудоражила, стали наплывать воспоминания, и я подумал, что надо написать про мою войну. А начав, я понял, что война с Победой не закончилась — вдовы, беспризорные, разрушенные города. Но самое главное, мы до сих пор чувствуем себя сиротками, слишком глубокий след она оставила в нас...».

Роман «Мой лейтенант» запал мне в душу ещё и потому, что в нём появляется слепой, вернее сказать, ослепший на фронте персонаж, сломанной судьбе которого посвящена отдельная глава. Называется она «Должок». Чей и перед кем — всё перескажу и объясню ни-

же, а сперва хочу признаться в том, что и сам задолжал. Прежде всего, наверное, себе, не додумав и не выразив словами свои мысли сразу по прочтении книги. А может, оно и к лучшему: найденные «черновые» крохи показались резковатыми и потому неубедительными. Вдобавок, когда минула первая годовщина СВО на Украине, тема возвращения к жизни искалеченных и просто обожжённых войной молодых людей воспринимается, как и 80 лет назад, особенно остро. Я перечитывал «Должок», давным-давно сохранённый на рабочем столе компьютера, и больше думал о своих ровесниках, нежели о наших с ними прадедах...

Гранин быстро подводит читателя к сути проблемы. Всё начинается с письма, которое нежданно-негаданно Д. получает из неизвестного ему города или посёлка Борска от Клима Васильчука. Тот сообщает бывшему ротному, что был ранен, ослеп, его подчистую демобилизовали, дали инвалидность. Он уехал к своим, где пока и проживает. Клим не просил о помощи, но упомянул про свои неприятности: его хотят упрятать в Дом инвалидов, по сути, приют для безнадёг. Как понял Д., повсюду он получал отказ. Ему хотелось повидаться, рассказать про остальных ребят. Писать неохота, да и тяжело по трафарету, сетовал Васильчук.

Подумав, главный герой отправляется к директору кабельной сети просить отпуск на три дня. В ответ слышит: никаких отлучек, хватит пить, гулять, праздновать Победу, пора приводить в порядок районную сеть.

У Д. высокая аварийность, его району в блокаду больше всего досталось. Была на него надежда: самый молодой, энергичный. Только после слов главного инженера, сказавшего «здесь не армия, наша работа круглосуточная», помог закон фронтового братства. «А ты, — обратился директор к Д., — езжай. Но учти: чуть что, поставлю мастером на линию».

Не легче и дома. Римма, «выслушав его обиду», поддержала начальство. С какой стати с ним должны нянчиться, слышит Д. от жены. Они имеют право выяснить, остался ли в нём инженер или он уже пустой номер. Римма и так долго помалкивала, полагая, что все терпят, и ей положено. У неё накопилось. Мог бы обустроить свой быт, так и этого нет. Как вернулся в эту пустую комнату, так и живут. «Дети чувствуют ссору», вслед за ребёнком начинает плакать и она сама. В первый раз Д. видел слёзы жены, когда вернулся. Он вдруг замечает, какая она молодая и какой он старый. Римма, бедняжка, всё ищет того парня, что сорвался в ополчение, «влюблённый в неё, в войну, в будущие свои подвиги». Обида мешает им помириться. «Я поеду», — только и говорит он.

На вокзале Д. встречает жена Васильчука. «Яркая брюнетка, фигура вызывающая». Война сюда не дошла, городок сохранился с царских времён. Гостиный двор, сады, булыжник, древняя неприбранность. Всю дорогу, не умолкая, спутница жалуется на местное начальство, на собес, на школу, где учительствовал её муж. Клима

гость видит сидящим на скамейке у дома. «Не сразу Д. соединил его с улыбчивым, деликатным командиром взвода. Большие тёмные очки, палка».

Его отправляли в приют. Куда-то. Для инвалидов войны. Клим подозревает жену, это она задумала спроводить его, и её родные. Понятно, двухкомнатная квартира, а их, по сути, три семьи. Но не хочет он в дом инвалидов. Ни за что. Лучше пойдёт по миру. Найдёт ещё какого-нибудь зрячего бедолагу и будет ходить из деревни в деревню. И ведь пойдёт. Д. знал его характер. Может ли командир сходить к местным начальникам и потребовать комнату для Васильчука? Для него одного. Ни с кем он жить не хочет, принорвится. «Ты-то жив, ты в порядке...» Что бы Д. ни приводил, он был «в порядке».

Зная по опыту, что хлопоты лучше начинать не с верхних этажей, герой Гранина вместо горсовета заворачивает в «Электроток», расположенный напротив. Зашёл, постоял в зале, где у окошечка толпился народ, послушал. Всё было знакомо, даже фамилия начальника. Им оказывается маленький человек в толстых очках за столом с четырьмя телефонами, в котором Д. с трудом узнаёт институтского однокашника, знаменитого автора капустников Костю Оверкина.

— «Ленэнерго»? Родной ты мой! — запел он. — Наконец-то мы вместе.

Про комнату для Васильчука слушает сочувственно и категорически отказывает. Эвакуированные, из них

человек триста блокадников, ещё не уезжают, разрешения не получили.

— Конечно, Васильчук — герой, инвалид, но и из них очередь выстроилась, инвалидов войны теперь всюду хватает. А он тебе кто?

— Да никто, командир взвода он в моей роте был.

— Ванька-взводный, да, это не велика птица, ему не светит. Ты-то чего так расстраиваешься?

— Жалко его... Должок есть за мной.

Если Д. хочет решить вопрос, то можно: даст трансформатор, помогут взводному. «Торговались. Ни тот, ни другой не уступали». И тогда Д. начинает рассказывать, как во двор ремонтно-восстановительного батальона, куда загнали их танки, нагрянул «начальник со своей свитой». С генералами за всю войну Д. почти не встречался. Не дослушав рапорта, тот разразился матерщиной, пошёл в разнос и палкой — раз ему по морде. Д. отпрыгнул к ближнему танку, стоит бледный, поперхнулся или задохнулся, ничего сказать не может. И тут откуда ни возьмись Васильчук прыгнул на танк, очутился в башне по пояс, заорал что было сил: «На колени!» Это он генералу. И пушку, незаряженную, наводит, ясно было — пальнёт. Последствий, как ни странно, никаких не было, если не считать пластыря, наложенного Д. на скулу.

Заканчивая свой рассказ, он вроде пожалел, что вытащил эту историю, запрятанную в самый дальний угол

памяти. Тем не менее, они договариваются. Хотя Оверкин готов и без трансформатора выхлопотать.

Жену Васильчука зовут Оксана. «Жгуче-чёрная, это впечатление было от роскошных волос и ярко-чёрных блестящих глаз». Она была откуда-то из Сибири, красавица-чалдонка. Говорила, чуть растягивая слова. Она поджидала Д. у «Электротока». Обрадованная результатом, Оксана идёт провожать его на вокзал, сидит с ним в буфете до прихода поезда.

Из её рассказа следовало, что оставаться с мужем она в любом случае не собирается. Якобы Клим первый заговорил с ней об этом. Ему не нужна такая жертва. По секрету говоря, он хотел бы уйти в монастырь. Такое у него зрело желание. Да, она хочет освободиться. «Жить со слепым, стать поводырём не согласна. И так она прождала его больше года. Пока он в госпиталях кантовался. Плюс пока воевал».

Что значит жить со слепым? В понимании Оксаны, это вообще трудно назвать жизнью, и дело не в бытовых или психологических барьерах. «Он не видит её. Она сохраняла свою красоту для него, а он и не увидел... И не увидит никогда. Она ещё может нравиться, в неё можно влюбиться. Будет семья, будут дети. Он ведь и детей своих не увидит. Если б он вернулся без руки, без ноги, она бы не оставила его».

Оксана уверяет, что они по-хорошему всё обсудили. Климу хочется остаться наедине со своей душой, побыть с Богом. По её мнению, когда муж останется во

мраке один, ничто не будет отвлекать его, никакая мирская суета. Господь дал ему возможность удалиться от суеты, избавиться от обид, зависти, злобы.

Герой Гранина, которому и Васильчука жалко, слушает, любит и думает, что «эта чалдонка имеет право на такое, это не жестокость, не себялюбие, она спасает свою жизнь так же, как они спасали свою бегством...». Правда, потом Д. только головой покачал. Потому что незаметно она переводит разговор на то, нельзя ли оговорить её права на комнату, когда Клим уйдёт в монастырь, так, чтобы никто не мог оспорить. Видно было, что сейчас это главная её забота.

Вот она какая, глава «Должок». Я намеренно передал её содержание целиком, без ахов-охов, которые рвались наружу и, не имея выхода, копились, обкатывались у меня внутри, пока печатал. В ней почти нет диалогов, на первый план выступают и говорят сами за себя характеры людей, а также дух той страны и той го-дины. Главный герой, лейтенант Д., возвращается с войны в семью, но это не старая жизнь. Он чтит закон фронтового братства, он откликается на весточку своего взводного и, хотя Клим Васильчук в письме вроде ни о чём не просит, понимает, что помочь надо. Не так просто вписаться в упорядоченные мирные будни. А Римма, дочь, домашний уют? Жена терпит и по-прежнему ждёт. Она молода, особенно в глазах Д., как будто постаревшего за войну. То же можно сказать об Оксане, только ей надеяться, по её логике, вовсе не на

что. Даже командир был смущён переменой в облике своего взводного. «Ты-то жив, ты в порядке...», — не удержался от горького упрёка Васильчук. Следовательно, война встала и между фронтовиками: одному повезло, другому — нет. Ослеп, ополчился против всех. Жену подозревает, и не зря, ведь и правда хочет «спровадить».

Выйдя от Оверкина, пообещавшего содействие «баш на баш», Д. не идёт попрощаться с Климом. Тем более у «Электротока» его поджидает Оксана, которой надобно устроить своё будущее, но также — обелить себя в чужих глазах. Она не скрывает, что не собирается оставаться с ослепшим мужем. По словам «красавицы-чалдонки», у Васильчука зрело желание уйти в монастырь. Но почему об этом не упоминается в письме, написанном по трафарету, или в сцене короткой невесёлой встречи однополчан? Страшно Оксане стать поводом — и не надо. Но уйти, бросив её, Клим вроде как не может. Оба жалеют себя, и автор сочувствует каждому в отдельности. Я же не могу «перешагнуть» личную боль.

Люди сплошь и рядом расходятся, начинают всё с нуля. Причин для этого немало. Но болезнь или ранение должны бы сблизжать... На фронте никто не застрахован от тяжёлого увечья, вместе с тем никто и не задумывается, например, о том, каково это — вдруг перестать видеть. Окопная война не для слепых, а мир, чувства? Меня потрясли откровения Оксаны: «Что зна-

чит жить со слепым?.. Если б он вернулся без руки, без ноги, она бы не оставила его». Так и кажется, что Оксана говорит обо мне, а вовсе не о Климе... Особенно задевает за живое циничная градация по степени утраченных возможностей.

Судить Васильчука я не берусь. Он мог бы освоить систему Брайля, попробовать себя в преподавании незрячим детям или устроиться на предприятие Общества слепых. Но этому герою Гранина опять-таки не посчастливилось встретить, в том же госпитале, более осведомлённого, чем он сам, человека, эдакого провожатого в новую жизнь. А Бог всегда готов разделить наше одиночество. Он не поучает и не подтрунивает, молча даёт совет, предлагает выбирать. Клим подавлен непоправимостью случившегося. Его жене это на руку. Стоит ли копаться в чужой душе... «Когда он останется во мраке один, — подобная перспектива для близкого некогда человека вряд ли может удовлетворять, — ничто не будет отвлекать его, никакая мирская суета». Они оба хотят уединиться. Он — в монашеской келье, она — в отдельной комнате. Вот только нужды у них разные. Обретёт ли Клим душевное равновесие?.. Познает ли Оксана тепло домашнего очага?..

То, что может вынести один человек, порой не может или не хочет другой. Под словом «вынести» я подразумеваю не разовый или сиюминутный подвиг, но утомительное, потом — рутинное свыкание с выпавшей на долю «ношей». Близкие люди могут подставить, а могут

и не подставить своё плечо. Продолжая развивать поднятую тему, позволю себе проиллюстрировать философскую мысль двумя примерами из кино. И один и другой, не поверите, сами «пришли» ко мне! Сперва даже подсадовал: дескать, куда ни ткни, обязательно слепой попадётся. В итоге, ясное дело, не упустил okazji.

«Возвращение домой» — британский сериал 1998 года режиссёра Джайлза Фостера, снятый по роману Розамунды Пилчер. Главную героиню зовут Джудит Данбар, она поступает в английскую школу-интернат Святой Урсулы, когда её родители и младшая сестра переезжают в колониальный Сингапур. Одноклассница, семья которой владеет великолепным поместьем в Корнуолле, знакомит её с миром богатства и привилегий. Джудит всё больше привлекает старший брат подруги Эдвард. Но это лишь предыстория. Вторая мировая война разрушает её жизнь и жизнь людей, которых она любит. Эдвард, раненный в воздушном бою, теряет зрение. Он возвращается домой и вскоре совершает самоубийство, чтобы не быть, как ему кажется, обузой для других. Вот негативный пример, он доказывает, что в минутном порыве, вызванном духовной слабостью, даже эгоизмом, можно наломать дров... Родные молодого аристократа, в отличие от жены Клима Васильчука, постарались вернуть ему чувство дома. Приведу диалоги из фильма:

— Ты получила моё письмо?

— Да, получила, — встречу героев предваряют кадры, на которых можно видеть здание госпиталя, лужайку с выздоравливающими ранеными: кто в инвалидном кресле, кто полёживает прямо на траве. До прихода Джудит Эдвард стоял поодаль и пробовал закурить. Над левым глазом у него свежий шрам.

— Знаешь, сколько я писал это треклятое письмо?

— Чего ты от меня ждёшь? Чтобы я написала, что я всё понимаю: всё кончено, большое спасибо, когда-нибудь увидимся...

— Примерно так. Давай смотреть фактам в лицо.

— Ты просил меня выйти за тебя замуж, и я сказала, что подумаю. Я согласна, — говоря это, Джудит по-прежнему смотрит ему в глаза.

— Я на всю жизнь останусь слепым.

— Я знаю.

— Тебе всё равно?

— Это не имеет значения.

— А ты не думаешь, что для меня это имеет значение?

— Мне очень жаль...

— Это ещё одно: тебе всегда будет очень жаль.

Родители и две сестры поджидают Эдварда у дома. Он храбрится, пробует говорить с каждым в прежнем тоне, как ни в чём не бывало. Обнимая старшую сестру, понимает, что она ждёт ребёнка, а младшую, заплаканную, сам подбадривает и дурашливо теребит за нос.

— Я сразу пойду наверх, если ты не против, мама.

— Конечно, дорогой. Позволь... — она порывается проводить его.

— Нет-нет, надо научиться самому. Спасибо.

И вот герой фильма у себя в комнате, «наедине со своей душой». Прочувствовать всю его тоску мне, как всегда, помогает выразительная музыка. Нерешительно входит мать.

— Смотри: всё на местах, одежда сложена, — говорит Эдвард. — Впечатляет?

— Очень. Обычно ты всё бросал на пол. Как здорово, что ты вернулся. Обещаю, мы не будем тебе помогать.

После её ухода Эдвард, потянувшись к оставленному подносу, опрокидывает стакан с молоком. Мать слышит это, хочет вернуться, но удерживается.

Пример из отечественного кино прошлых лет резко контрастирует с приведённым выше и греет мне душу. «Так и будет» — советский двухсерийный фильм 1979 года, одна из двух основных сюжетных линий которого основана на одноимённой пьесе Константина Симонова. Современная для конца 70-х часть истории разворачивается на глазах Ольги Фёдоровны, матери главной героини, и порой пугающе напоминает ей собственную молодость. По сюжету фильма тогда, в апреле 1945 года, за новым назначением в Москву на несколько дней приезжает с фронта инженер-полковник Савельев. В своей квартире, где он жил с женой и дочкой, погибшими в первый же день войны, он застаёт новых

жильцов — знаменитого архитектора Воронцова с дочерью Олей. Между девушкой и Савельевым постепенно возникает взаимное чувство. Однако он погибает в Маньчжурии четыре месяца спустя.

Влюблённые и становятся свидетелями заинтересовавшей меня сцены. Их разговор обрывается при появлении в парке потерявшего зрение фронтовика под руку с молодой женщиной. Несмотря на то, что она рядом, а в другой руке — трость, его походку пока нельзя назвать уверенной.

— Ну что ты так стучишь, — долетают слова спутницы, — я же тебя веду!

— Стучу...

— А вон там...

— Где?

— Вон там — ребятишки играют.

— погоди, в будущем году я вас двоих сюда приведу.

Они удаляются по аллее. Слышны гудки машин, бодрая строевая песня. «Пусть так и будет», — подумал я во время просмотра фильма, невольно повторив его название. Война, стоившая многим руки, ноги, зрения, не властна над подлинными чувствами. А это и чувство долга, и сознание ответственности за ближнего или перед ближним. Оксана не собирается оставаться с ослепшим мужем. А что, от зрячего она не могла бы уйти? Эдвард поспешил «освободить» любящих его людей, тем самым причинив им боль. А безымянные герои

советской киноленты в тех же обстоятельствах ждут ребёнка, вместе думают о будущем.

По временам я чувствую себя и тем, и другим, и третьим, почти счастливым. Особый свет надежды, уверенности в себе, доступный и незрячему, колеблется, гаснет, вспыхивает с новой силой... Я потерял зрение ребёнком в результате болезни, романов не крутил, пороху не нюхал, соответственно, в их «шкуре» не был. Но я не вижу, и это нас объединяет. Отметая усилием воли лишние мысли, пытаюсь, как сказал киногерой, смотреть фактам в лицо. Друг познаётся в беде. Не исключено, что слепота позволила Климу Васильчуку увидеть сущность его жены. А Эдвард, лишь потеряв зрение, мог бы лучше узнать самого себя и по достоинству оценить чувства Джудит...

Роман Даниила Гранина — это взгляд на Великую Отечественную с изнанки. На фоне тягот, ужасов и неприглядности войны автор даёт возможность выговориться простому лейтенанту. Однако подытожить свой рассказ мне хочется цитатой из Окуджавы: «Что же касается победы, то, хоть я и не совершил ничего героического и, наверное, был неважным солдатом, всё-таки живёт во мне уверенность, что без меня победа досталась бы труднее».

Дмитрий Гостищев